2831
Дорогому Александру Александровичу Ж[illegible]
От автора.
6УГб
Г-846
226
111597
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР
045
54

ВИДИМАЯ ЗАКОННОСТЬ И СКРЫТОЕ УСМОТРѢНІЕ.

с.-петербургскаго университета съ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

Библиотека Ленинградского Коммунистического Академии при ЦИК СССР

I.

Университетскій уставъ 1884 г, какъ извѣстно, насквозь пропитанъ недовѣріемъ къ профессурѣ. Отъ всего, отъ чего только можно было, ее отстранили. Во главѣ университетовъ были поставлены попечители округовъ, которымъ были предоставлены самыя широкія полномочія во всѣхъ областяхъ университетской жизни. Попечителю непосредственно были подчинены ректоръ и правленіе, которымъ была ввѣрена административная и хозяйственная часть. Какъ ректоръ, такъ и всѣ члены правленія (деканы факультетовъ и инспекторъ студентовъ), назначались непосредственно высшей властью, безъ всякаго участія факультетовъ и совѣта. Во главѣ факультетовъ были поставлены деканы по назначенію; даже завѣдываніе факультетскимъ дѣлопроизводствомъ ввѣрялось назначеннымъ (изъ профессоровъ) секретарямъ факультетовъ. Производство испытаній (кромѣ испытаній на ученыя степени и т. н. повѣрочныхъ испытаній) было возложено на особыя испытательныя комиссіи, предсѣдатели и члены которыхъ назначались непосредственно министромъ. Завѣдываніе дѣлами студентовъ принадлежало, особо назначенному, инспектору студентовъ, который подчинялся не ректору, а попечителю; дисциплинарная власть надъ студентами была распредѣлена между инспекторомъ, ректоромъ и правленіемъ. Что касается порядка замѣщенія должностей профессоровъ, то онъ вполнѣ зависѣлъ (и продолжаетъ зависѣть) отъ усмотрѣнія министра: по-

слѣдній можетъ либо прибѣгнуть къ непосредственному назначенію, либо предоставить университету объявлять конкурсы на освободившіяся каѳедры, (чего на практикѣ, до назначенія Министромъ Нар. Просвѣщенія ген.-ад. П. С. Ванновскаго, тщательно избѣгали).

Оставалась одна часть, отъ которой, къ сожалѣнію, никакъ уже нельзя было отстранить профессоровъ: мы имѣемъ въ виду самое преподаваніе. Положеніе министерства нар. просвѣщенія при разработкѣ проекта устава было въ этомъ отношеніи по истинѣ трагическое. Съ одной стороны, реальная опасность въ смыслѣ возможности распространенія тлетворныхъ теорій всякаго рода среди учащейся молодежи скрывалась именно здѣсь; съ другой стороны, безъ преподаванія немыслимы самые университеты—это было ясно даже для гр. Д. А. Толстого. Надо было отыскать какой-нибудь компромиссъ. Въ поискахъ его не во всемъ сказалась счастливая (съ точки зрѣнія преслѣдовавшихся министерствомъ цѣлей) рука. Наряду съ такими «реальными» мѣрами, какъ изъятіе извѣстныхъ наукъ, (напр. государственнаго права иностранныхъ державъ), требованіе представленія на утвержденіе министерства не только общихъ учебныхъ плановъ, но и ежегодно составляемыхъ обозрѣній преподаванія, предоставленіе министерству составленія однообразныхъ казенныхъ программъ, и т. п.,—составители устава, между прочимъ, остановились на мысли о желательности сломить монополію преподаванія, какою пользовались профессора по уставу 1863-го года. На этой почвѣ у у нихъ зародилась мысль о введеніи «свободы преподаванія» и свободы ученія.

Вотъ что мы по этому поводу читаемъ въ оффиціальномъ отчетѣ Государственнаго Совѣта за 1884 г. [1]): «учебную часть въ университетахъ бывшій министръ нар. просвѣщенія признавалъ необходимымъ организовать на совершенно новыхъ основаніяхъ, а именно, на началахъ свободы преподаванія и ученія, столь успѣшно примѣняемыхъ въ германскихъ университетахъ». Тутъ же поясняется, въ чемъ, якобы, заключается сущность свободы преподаванія въ Германіи: въ томъ, что «чтеніе лекцій по извѣстной наукѣ не составляетъ монополіи лица, занимающаго соотвѣтствующую каѳедру, а можетъ быть предпринимаемо и другими преподавателями». Дальше отчетъ продолжаетъ: «сообразно упомянутымъ двумъ основнымъ

[1]) Этотъ отчетъ воспроизводитъ всѣ стадіи прохожденія устава 1884 г., начиная съ первоначальнаго проекта и объяснительной записки, внесенныхъ въ Государственный Совѣтъ гр. Д. А. Толстымъ въ 1880 г. Тотъ же проектъ, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, въ 1882 г. былъ вновь внесенъ въ Госуд. Совѣтъ И. Д. Деляновымъ.

началамъ, д. т. с. гр. Толстой предполагалъ:.. в) предоставить каждому профессору читать лекціи и объявлять практическія занятія не только по предметамъ, входящимъ въ составъ науки, которой онъ числится штатнымъ преподавателемъ, но и по другимъ предметамъ; д) предоставить студентамъ, если предметъ читается нѣсколькими преподавателями, слушать того изъ нихъ, кого они пожелаютъ».

Какъ явствуетъ изъ приведенныхъ цитатъ, свобода преподаванія понималась составителями устава 1884 г. весьма упрощенно,— не въ смыслѣ устраненія всякаго вмѣшательства въ содержаніе того, что составляетъ предметъ преподаванія въ университетѣ (въ этомъ отношеніи, напротивъ, не знали и не признавали никакихъ границъ), а исключительно въ смыслѣ права профессоровъ и другихъ преподавателей конкуррировать другъ съ другомъ въ чтеніи лекцій. Зато въ указанномъ смыслѣ свобода преподаванія и ученія была проведена весьма послѣдовательно. Въ связи съ нею стоитъ и предоставленіе приватъ-доцентамъ права объявлять конкуррирующіе, такъ называемые параллельные курсы, и введеніе т. н. гонорарной системы. Тѣсная связь, существующая между этими моментами, неоднократно подчеркивается, какъ въ цитированномъ нами отчетѣ, такъ и въ матеріалахъ, послужившихъ непосредственными источниками при составленіи его, именно въ (рукописномъ) журналѣ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта отъ 29 мая 1884 г. и въ «выпискѣ» изъ означеннаго журнала. Такъ, въ отчетѣ Гос. Совѣта, по поводу платы за слушаніе лекцій, говорится: «въ виду предположенія о введеніи свободы преподаванія и приватъ-доцентуры, признано было необходимымъ измѣнить систему исчисленія упомянутыхъ взносовъ», (т. е. платы за ученіе, въ смыслѣ расчлененія ея на плату въ пользу университета и гонораръ). Въ другомъ мѣстѣ отчета мы читаемъ: «министерство, установляя свободу преподаванія, желаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать возможному его улучшенію, возбуждать или поддерживать въ профессорахъ энергію и стремленіе двинуть науку впередъ, *создавая для профессоровъ конкурренцію по преподаваемымъ ими предметамъ въ лицѣ приватъ-доцентовъ и другихъ преподавателей*, которымъ предоставляется право читать лекціи и по предметамъ, не входящимъ въ составъ ввѣренной каждому каѳедры».

Въ строгомъ соотвѣтствіи съ этимъ принципомъ стоитъ и «свобода ученія», относительно которой отчетъ говоритъ: «вмѣстѣ съ тѣмъ и самимъ студентамъ имѣется въ виду предоставить нѣсколько большій просторъ въ ихъ занятіяхъ наукою, дозволеніемъ, въ томъ случаѣ, если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣ-

сколькими лицами, обучаться у того изъ преподавателей, у кого они сами желаютъ».

Указанныя начала «свободы преподаванія» и «свободы ученія» никакихъ возраженій при прохожденіи проекта устава черезъ соединенные департаменты законовъ и экономіи и общее собраніе Государственнаго Совѣта не встрѣтили. Принципіальныя разногласія, поскольку они обнаружились, касались совсѣмъ иныхъ вопросовъ. Мало того: Государственный Совѣтъ при проведеніи этихъ началъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пошелъ еще дальше первоначальныхъ предположеній министерства. Въ частности, это сказалось на окончательной формулировкѣ ст. 73 нынѣ дѣйствующаго Устава.

Эта статья въ вопросѣ о свободѣ преподаванія и свободѣ ученія (если понимать эти «свободы» такъ, какъ ихъ понимали составители устава) имѣетъ основное значеніе. Она устанавливаетъ, какъ право приватъ-доцентовъ объявлять, наряду съ профессорами, параллельные курсы (свободу преподаванія или, вѣрнѣе, свободу конкурренціи преподавателей), такъ и право студентовъ слушать того изъ преподавателей, читающихъ параллельные курсы, кого они сами пожелаютъ (свободу ученія). Въ окончательной редакціи эта статья гласитъ: «*если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, то студенту предоставляется слушать лекціи и принимать участіе въ практическихъ упражненіяхъ у того изъ означенныхъ преподавателей, у кого онъ самъ пожелаетъ*». Замѣтимъ, что первоначальная редакція этой статьи (которая въ первоначальномъ проектѣ гр. Д. А. Толстого составляла § 69) была нѣсколько иная; въ ней говорилось слѣдующее: «если предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, то студенту предоставляется слушать того изъ нихъ, кого онъ пожелаетъ; но *если приватъ-доцентъ, читающій таковыя лекціи, не имѣетъ степени магистра или доктора, то для зачета ихъ студентамъ, требуется разрѣшеніе факультета*». Итакъ, первоначально предполагалось установить ограничительную оговорку относительно значенія курсовъ, объявляемыхъ приватъ-доцентами, *не имѣющими ученой степени*. Соединенные департаменты, однако, исключили эту оговорку: въ проектѣ, измѣненномъ по заключеніямъ департаментовъ, соотвѣтствующій параграфъ уже изложенъ въ редакціи, тождественной съ редакціей нынѣшней статьи 73 Устава.

Можно спорить de lege ferenda, были ли правы соединенные департаменты, провозглашая начало равноцѣнности всѣхъ безъ исключенія паралельныхъ курсовъ, хотя бы даже курсъ былъ объя-

вленъ приватъ-доцентомъ, не имѣющимъ ученой степени. Но во всякомъ случаѣ de lege lata внѣ спора, что настоящая статья трактуетъ не только о профессорахъ, но и о приватъ-доцентахъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ эта статья въ той редакціи которую ей придалъ Государственный Совѣтъ, еще расширила права приватъ-доцентовъ по сравненію съ первоначальными предположеніями министерства.

Къ сказанному остается прибавить, что во всемъ уставѣ 1884 г. вообще нѣтъ ни одной статьи, которая устанавливала бы какія-либо ограниченія приватъ-доцентовъ въ отношеніи права читать любые курсы. Да оно и понятно.

Было бы, конечно, ошибочно думать, что министерство гр. Толстого, а позднѣе — министерство И. Д. Делянова стремилось создать дѣйствительно самостоятельный, независимый институтъ приватъ-доцентуры. Объ этомъ такъ же мало заботились, какъ и о дѣйствительной свободѣ преподаванія. Мало того: этого прямо опасались и противъ этого принимали самыя рѣшительныя мѣры, вплоть до возложенія на декановъ и ректоровъ наблюденія за преподаваніемъ приватъ-доцентовъ, съ тѣмъ, чтобы эти лица, «въ случаѣ преподаванія, не соотвѣтствующаго достоинству предмета или имѣющаго вредное направленіе», представляли попечителю объ устраненіи отъ преподаванія такихъ приватъ-доцентовъ (ст. 111 ун. уст.). Не о проведеніи начала свободы преподаванія думали, допуская конкурренцію въ дѣлѣ преподаванія приватъ-доцентовъ съ профессорами: этимъ путемъ надѣялись упрочить совсѣмъ иное начало—начало divide et impera. Создать на мѣстахъ кадры не только зависимыхъ, но и постоянно чувствующихъ свою зависимость отъ министерства лицъ, изъ-за конкурренціи недоброжелательно другъ къ другу настроенныхъ и другъ за другомъ слѣдящихъ, облегчить этимъ для центральной власти добываніе свѣдѣній относительно хода преподаванія въ университетахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность замѣны неблагонадежныхъ элементовъ благонадежными,—вотъ что рисовалось въ перспективѣ, вотъ для чего нужно было допустить эту конкурренцію.

Къ счастью и къ чести русской науки, результаты на практикѣ получились иные, чѣмъ ожидалось. Въ частности, институтъ приватъ-доцентуры въ цѣломъ, несмотря на крайне неблагопріятныя условія, въ которыя онъ былъ поставленъ, не сталъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ министерства. Представители власти и въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, не приняли во вниманіе моральныхъ элементовъ: того идеализма и глубокой преданности дѣлу науки и просвѣщенія, которыми живетъ и держится университетская среда и которые, несмотря на колебанія и даже

паденія отдѣльныхъ лицъ, въ цѣломъ даютъ ей все новыя силы бороться съ вольными и невольными врагами просвѣщенія, которыхъ такъ много создало и продолжаетъ создавать наше переходное время.

II.

Уже вскорѣ послѣ введенія университетскаго устава 1884 г. началась ломка его. Она коснулась прежде всего экзаменаціонной системы устава. Полное изъятіе производства экзаменовъ изъ рукъ профессуры, съ возложеніемъ этого дѣла на особыя испытательныя комиссіи, оказалось неосуществимымъ на практикѣ: не только недоставало спеціалистовъ и приходилось назначать членами испытательныхъ комиссій при отдѣльныхъ университетахъ тѣхъ же профессоровъ—пришлось пойти дальше и возстановить въ 1889 г., на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія, на всѣхъ факультетахъ и прежніе переходные экзамены, существовавшіе при дѣйствіи устава 1863 г., подъ названіемъ полукурсовыхъ испытаній.

Въ дальнѣйшемъ былъ произведенъ рядъ существенныхъ измѣненій въ постановкѣ административной части университетовъ. Отмѣтимъ лишь наиболѣе важныя и наиболѣе глубоко расходящіяся съ основными тенденціями устава перемѣны. Въ 1902 г. были изданы Выс. утв. временныя правила о (выборномъ) профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ, который замѣнилъ собою установленный уставомъ судъ правленія по дисциплинарнымъ дѣламъ студентовъ. Далѣе, на основаніи Высоч. Указа отъ 27 августа 1905 г. должности ректоровъ, декановъ и секретарей факультетовъ стали выборными, инспекторъ студентовъ былъ непосредственно подчиненъ ректору, и вмѣстѣ съ тѣмъ права университетскихъ совѣтовъ въ вопросахъ административныхъ были расширены. Наконецъ, на основаніи изданнаго, въ порядкѣ ст. 87 осн. зак., положенія совѣта министровъ отъ 14 сентября 1906 г., должность инспектора студентовъ была упразднена и взамѣнъ ея введена должность проректора, избираемаго изъ профессоровъ.

Таковы важнѣйшія измѣненія, внесенныя въ самый уставъ 1884 г., частью въ порядкѣ законодательномъ, частью (какъ правила о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ) въ порядкѣ верховнаго управленія (поскольку вообще, въ примѣненіи къ до-конституціонному времени, можно различать оба порядка).

Наряду съ этимъ, начиная съ 1901 г. (министерства ген.-ад. П. С. Ванновскаго), шли перемѣны, коснувшіяся такихъ сторонъ университетской жизни, которыхъ уставъ 1884 г. непосредственно

вовсе не затрагивалъ или которыхъ онъ ближе не регламентировалъ, предоставляя въ этомъ отношеніи широкій просторъ практикѣ или, вѣрнѣе, министерскому усмотрѣнію: сюда относятся, между прочимъ, вопросы, касающіеся системы преподаванія, а также вопросы, связанные съ внутренней организаціей студенчества, въ частности, съ правомъ студентовъ образовывать студенческія организаціи и устраивать студенческія собранія. Мы въ настоящей статьѣ не имѣемъ возможности ближе коснуться этой, весьма важной стороны дѣла, и напомнимъ лишь о тѣхъ перемѣнахъ въ положеніи студенчества, которыя произошли въ связи съ признаніемъ за ними, на основаніи ряда изданныхъ въ порядкѣ верховнаго управленія распоряженій, частью дополняющихъ, частью ограничивающихъ другъ друга, права составлять студенческія общества и устраивать собранія.

Одно лишь изъ всѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ былъ построенъ уставъ 1884 г., осталось нетронутымъ. Это—начало свободы преподаванія и свободы ученія, понимаемое, какъ мы видѣли, въ смыслѣ права университетскихъ преподавателей, (какъ профессоровъ, такъ и приватъ-доцентовъ), объявлять конкуррентные или параллельные курсы, и права студентовъ, если одинъ и тотъ-же предметъ читается нѣсколькими преподавателями, слушать того изъ нихъ, кого они сами пожелаютъ. По этому вопросу имѣется цѣлый рядъ циркулярныхъ распоряженій министерства народнаго просвѣщенія, начиная съ 1885 г. и кончая послѣднимъ временемъ, разъясняющихъ отдѣльныя стороны этого вопроса и, въ частности, предѣлы правъ факультетовъ по отношенію къ приватъ-доцентамъ. Въ декабрѣ 1885 г. И. Д. Деляновъ писалъ, что факультеты не должны стѣснять «преподавателей, и штатныхъ и приватъ-доцентовъ, въ объявленіи лекцій и практическихъ упражненій, какъ особыхъ, такъ и параллельныхъ съ объявленными другими преподавателями», присовокупляя къ этому, что «по отношенію къ зачету полугодій, преподаваніе приватъ-доцентовъ принимается въ соображеніе въ той же силѣ и въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и преподаваніе штатныхъ преподавателей». Въ томъ же циркулярѣ министръ обязывалъ факультеты, разъ данное лицо удовлетворяетъ формальнымъ условіямъ для допущенія къ чтенію лекцій въ званіи приватъ-доцента, принимать его въ составъ приватъ-доцентовъ безъ дальнѣйшаго обсужденія его научныхъ и преподавательскихъ достоинствъ, считая достаточной гарантіей то обстоятельство, что «приватъ-доцентъ, не получающій вознагражденія, кромѣ гонорара... подвергается весьма трудному искусу тѣмъ, что долженъ собрать аудиторію слушателей, безъ принужденія пришедшихъ и платящихъ». На этой почвѣ въ дальнѣйшемъ возникли трения: отдѣльные факультеты стали настаивать на своемъ правѣ

подвергать обсужденію вопросъ о желательности допущенія тѣхъ или иныхъ лицъ въ составъ приватъ-доцентуры, въ особенности поскольку дѣло шло о лицахъ, не имѣющихъ ученыхъ степеней, относительно научной подготовленности которыхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ возникали сомнѣнія. Главнымъ поводомъ къ возбужденію такихъ сомнѣній служило именно то обстоятельство, что даже приватъ-доцентъ, не имѣющій ученой степени (а лишь сдавшій магистерскій экзаменъ и прочитавшій двѣ пробныя лекціи), будучи разъ допущенъ къ чтенію лекцій, можетъ объявлять какіе угодно общіе и спеціальные курсы по избранной имъ спеціальности, такъ какъ уставъ въ этомъ отношеніи никакихъ ограниченій не устанавливаетъ. Этимъ теченіемъ воспользовалось министерство Н. П. Боголѣпова, который въ 1898-мъ году издалъ извѣстный циркуляръ, имѣвшій цѣлью «подтянуть» приватъ-доцентуру. Въ этомъ циркулярѣ, наряду съ указаніемъ на то, что деканъ и ректоръ должны имѣть постоянное наблюденіе за преподаваніемъ приватъ-доцентовъ, министръ разъяснилъ, что «по смыслу ст. 66 и 100 устава университетовъ, факультеты *обязаны* тщательно обсуждать научную подготовленность каждаго лица, ищущаго званія приватъ-доцента».

За всѣмъ тѣмъ, и Н. П. Боголѣповъ былъ далекъ отъ мысли оспаривать право приватъ-доцентовъ читать любые, а въ томъ числѣ и параллельные курсы по избранной ими спеціальности. Этого права министръ отнюдь не оспаривалъ: напротивъ, онъ изъ него исходилъ, какъ это явствуетъ изъ прямой ссылки, которая содержится въ его циркулярѣ на вышеупомянутый циркуляръ И. Д. Дѣлянова.

То же слѣдуетъ сказать и про преемниковъ Н. П. Боголѣпова. Было среди нихъ расхожденіе во взглядахъ на роль и значеніе приватъ-доцентуры, но никому изъ нихъ въ голову не приходило оспаривать санкціонированное статьею 73 унив. устава право приватъ-доцентовъ на чтеніе не только спеціальныхъ, но и общихъ параллельныхъ курсовъ по избранной ими спеціальности. Достаточно сослаться въ этомъ отношеніи на объяснительную записку къ проекту новаго унив. устава, внесеннаго въ Государственную Думу непосредственнымъ предшественникомъ нынѣшняго министра нар. просвѣщенія, А. Н. Шварцемъ. Въ этой запискѣ, между прочимъ, говорится: «не принесъ ожидаемой пользы и установленный уставомъ 1884 г. *принципъ конкурренціи между преподавателями*. По дѣйствующему нынѣ уставу, если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, студенту предоставляется слушать лекціи и принимать участіе въ практическихъ упражненіяхъ у того изъ нихъ, у кого онъ самъ пожелаетъ». Указавъ дальше, что въ связи съ этимъ «составителями устава обращено было вни-

маніе... *на развитіе приватъ-доцентуры*, какъ института, способнаго служить источникомъ постояннаго *обновленія* и *усиленія* преподавательскаго состава въ университетахъ», записка отмѣчаетъ, почему не оправдались связанныя съ введеніемъ принципа конкурренціи надежды, «что при существенномъ качественномъ улучшеніи преподаванія, вызываемомъ соревнованіемъ, съ развитіемъ приватъ-доцентуры будутъ достигнуты и весьма существенныя преимущества въ смыслѣ расширенія преподаванія». Именно, «обыкновенно, наличный составъ университетскихъ преподавателей едва удовлетворялъ всѣмъ нуждамъ преподаванія, и у него *не оставалось ни времени, ни силъ для веденія параллельныхъ курсовъ въ той мѣрѣ, какъ эти послѣдніе предполагались и разрѣшались уставомъ*». «Что же касается, въ частности, приватъ-доцентовъ,—продолжаетъ записка,—то изъ нихъ большинство, не обладая ни достаточнымъ научнымъ цензомъ, ни академическимъ навыкомъ, *не рѣшалось вступать въ соревнованіе* съ опытными учеными, которые нерѣдко были ихъ учителями, ни даже между собою». — Мы ничего не имѣемъ прибавить къ этимъ выпискамъ: онѣ достаточно краснорѣчиво и опредѣленно характеризуютъ отношеніе автора ея къ вопросу о *правѣ* приватъ-доцентовъ читать параллельные курсы.

III.

Мы пытались выяснить происхожденіе и сущность формальныхъ основаній, на которыхъ покоится право университетскихъ преподавателей и, въ частности, приватъ-доцентовъ читать параллельные курсы. Мы видѣли, что оно появилось не неожиданно, въ результатѣ случайнаго законодательнаго промаха, а какъ органическая часть продуманнаго цѣлаго, составляя проявленіе одного изъ основныхъ началъ, на которыхъ построенъ дѣйствующій университетскій уставъ. Мы видѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ, что такъ до послѣдняго времени смотрѣло на дѣло и само министерство народнаго просвѣщенія.

Все это не помѣшало появленію циркуляра министра отъ 9 февраля минувшаго 1912 г. за № 5490, въ которомъ Л. А. Кассо самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ право приватъ-доцентовъ читать параллельные курсы. Циркуляръ начинается съ указанія, что «въ нѣкоторыхъ университетахъ *за послѣднее время* получили распространеніе объявляемые приватъ-доцентами курсы, параллельные къ профессорскимъ, по основнымъ предметамъ, перечисленнымъ въ ст. ст. 55 — 59 устава». Дальше говорится, что «основаніемъ для объявленія такихъ курсовъ служила ст. 73

устава (ст. 473 т. XI ч. I), и мнѣніе, что выраженіе той же и другихъ статей устава «преподаватель» въ уставѣ 1884 г. имѣетъ въ виду исключительно приватъ-доцентовъ». Министръ рѣшительно высказывается противъ такого толкованія, находя, что ст. 73 «*касается исключительно профессоровъ*», которые одни только и могутъ конкуррировать другъ съ другомъ. Что же касается приватъ-доцентовъ, то циркуляръ приходитъ къ выводу не только о недопустимости параллельныхъ курсовъ приватъ-доцентовъ къ основнымъ или общимъ, обязательнымъ предметамъ факультетскаго преподаванія, «но даже не допускаетъ объявленія приватъ-доцентами такихъ курсовъ, какіе являлись бы по существу своему *отдѣлами или главами главнаго, обязательнаго курса*, читаемаго профессоромъ».

Чѣмъ же объясняется такой крутой поворотъ во взглядахъ на вопросъ о правѣ приватъ-доцентовъ конкуррировать съ профессорами въ чтеніи параллельныхъ курсовъ? На это нетрудно дать отвѣтъ. Министерская политика послѣднихъ двухъ лѣтъ привела къ возрастающему ряду увольненій и уходовъ однихъ профессоровъ и замѣщенію, освободившихся такимъ путемъ, каѳедръ, въ порядкѣ непосредственнаго назначенія другими, положеніе которыхъ при такихъ условіяхъ не могло быть особенно блестящимъ. На этой почвѣ, какъ это съ свойственной ей откровенностью неоднократно подчеркивала печать извѣстнаго направленія, создалось двоякое опасеніе: съ одной стороны, стали опасаться, что ушедшіе, рано или поздно, могутъ вновь вернуться, хотя бы въ качествѣ приватъ-доцентовъ, и въ такомъ случаѣ явиться опасными конкуррентами своихъ замѣстителей; съ другой стороны, наличные приватъ-доценты, объявляя параллельные курсы грозили отвлечь отъ вновь назначенныхъ профессоровъ значительную часть слушателей и тѣмъ чувствительно уменьшить размѣръ гонорара, причитающагося имъ со студентовъ.

Отсюда получилось заданіе: устроить такъ, чтобы никакой конкурренціи не было. Изъ различныхъ путей, ведущихъ къ этой цѣли, наиболѣе простымъ и наиболѣе быстро достигающимъ ея представлялось «разъясненіе» въ сотвѣтствующемъ смыслѣ подлежащихъ статей университетскаго устава. Ближайшій характеръ и степень убѣдительности аргументаціи при такихъ условіяхъ особой роли играть не могутъ. Тѣмъ не менѣе на этомъ стоитъ остановиться.

Основнымъ аргументовъ является открытіе, что «*выраженіе «преподаватель» и «преподаваніе»* въ уставѣ, въ ст. ст. 54, 64, 68 и 69, *относится исключительно къ профессорамъ* и только изъ нѣкоторыхъ статей устава (106 и др.) можно вывести заключеніе, что подъ этимъ наименованіемъ уставъ *иногда* разумѣетъ и приватъ-

доцентовъ». Отсюда уже нетрудно было вывести, что ст. 73 устава, которая говоритъ о правѣ «преподавателей» читать параллельные курсы, *касается исключительно профессоровъ*».

Характерно, что въ циркулярѣ не дѣлается даже попытки ближе обосновать совершенно голословное и a priori неправдоподобное утвержденіе, что терминъ «преподаватель» относится исключительно къ профессорамъ. Это утвержденіе столь же неправильно, какъ и оспариваемое тѣмъ же циркуляромъ (и, кстати сказать, неизвѣстно кѣмъ защищаемое) обратное утвержденіе, что терминъ ст. 73-ей „преподаватель“ «спеціально обозначаетъ въ уставѣ приватъ-доцентовъ, а не профессоровъ». На самомъ дѣлѣ, этотъ терминъ одинаково обнимаетъ всѣ категоріи учащихъ, какъ профессоровъ, такъ и приватъ-доцентовъ, а въ подлежащихъ случаяхъ—и лекторовъ [1]).

Не болѣе убѣдительны остальные аргументы, къ числу которыхъ относятся: ссылка на то, что вышедшимъ за штатъ профессорамъ предоставлено право читать параллельные курсы,—какъ будто изъ этого слѣдуетъ, что приватъ-доценты такого права не имѣютъ; указаніе на то, что по силѣ ст. 64 уст. исполненіе обязанностей по данной каѳедрѣ можетъ быть поручено приватъ-доценту только въ томъ случаѣ, если таковая будетъ вакантна,—какъ будто *порученіе* чтенія лекцій по вакантной каѳедрѣ имѣетъ какую-нибудь связь съ *правомъ* приватъ-доцентовъ объявлять параллельные курсы; указаніе на то, что пользованіе научными пособіями, принадлежащими тому или другому учебно-вспомогательному учрежденію, допускается только по соглашенію съ завѣдывающимъ и подъ его наблюденіемъ,—какъ будто пользованіе казенными научными пособіями тождественно съ чтеніемъ лекцій; наконецъ, указаніе на то, что преподаваніе приватъ-доцентовъ подчинено наблюденію ректора и декана (циркуляръ присоединяетъ къ этимъ лицамъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, и „профессора“),—какъ будто обязанность надзора за преподаваніемъ, возложенная на указанныхъ административныхъ лицъ, предрѣшаетъ вопросъ о томъ, какіе курсы могутъ читать подчиненныя ихъ надзору лица.

---

[1]) Во всемъ уставѣ есть только двѣ статьи, въ которыхъ терминъ „преподаватель“ употребленъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ: это статьи 64 и 69 (ст. 464 и 469 т. XI ч. I). Первая изъ нихъ гласитъ, что „одинъ преподаватель не можетъ занимать двухъ каѳедръ“; здѣсь изъ самаго смысла статьи явствуетъ, что она не распространяется на приватъ-доцентовъ, которые на службѣ не состоятъ и никакой каѳедры занимать не могутъ. Во второй статьѣ говорится спеціально о штатныхъ „преподавателяхъ, которые тѣмъ самымъ *противополагаются нештатнымъ*, къ числу которыхъ относятся и приватъ-доценты.—

Неудивительно, что подобнаго рода аргументація не могла показаться убѣдительной для лицъ, знакомыхъ и съ исторіей устава 1884 г., и съ конкретными постановленіями и общимъ духомъ его, и съ прежней практикой самого министерства за все время дѣйствія устава. *Циркуляръ 9 Февраля 1912 года явно нарушаетъ законъ и въ частности статью 73 унив. устава.* Разъ это такъ, то учрежденія и лица, къ которымъ онъ былъ обращенъ, *обязаны* были—въ силу закона же—возбудить вопросъ о несоотвѣтствіи этого циркуляра закону. Ст. 191 т. I ч. 2 учр. мин. весьма опредѣленно говоритъ: „если-бы въ предписаніи, непосредственно отъ власти министра исходящемъ, начальство, ему подчиненное, усмотрѣло отмѣну закона, учрежденія или объявленнаго прежде Высочайшаго повелѣнія, тогда оно *обязано* представить о семъ министру. Если же и за симъ предписаніе будетъ подтверждено отъ лица министра въ той же силѣ, тогда начальство *обязано* случай сей представить Прав. Сенату на окончательное разрѣшеніе". Совѣтъ петербургскаго университета такъ и поступилъ. Въ виду всего вышеизложеннаго онъ, на нашъ взглядъ, иначе поступить и не могъ: онъ этимъ исполнилъ не только nobile officium по отношенію къ приватъ-доцентамъ—онъ исполнилъ этимъ прямую обязанность, возложенную на него закономъ.

Пр. Сенатъ, опредѣленіемъ отъ 1 декабря 1912 г. за № 15543 постановилъ *оставить представленіе совѣта университета безъ разсмотрѣнія,* на томъ основаніи (какъ сказано въ опредѣленіи), 1) «что, какъ видно изъ буквальнаго текста приведенной статьи 191 учр. мин., статья эта имѣетъ въ виду *случаи, когда предписаніе министра положительно противорѣчитъ прямому постановленію закона, т. е. отмѣняетъ дѣйствующій законъ*; 2) что въ уставѣ университетовъ 23 августа 1884 г. не содержится ни въ ст. 73, на которую преимущественно ссылается совѣтъ спб. университета, ни въ другой какой-либо статьѣ прямого указанія на то, что приватъ-доценты имѣютъ право читать параллельные, конкуррентные къ профессорскимъ, курсы; 3) что слѣдовательно циркуляръ министра нар. просвѣщенія за № 5490 не является отмѣняющимъ законъ и, *въ данномъ случаѣ, вопросъ можетъ заключаться лишь въ толкованіи закона*; между тѣмъ, право входить въ Пр. Сенатъ съ ходатайствомъ о разъясненіи законовъ принадлежитъ исключительно министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями (п. 6 ст. 19 учр. Сен., св. зак. т. I ч. 2, по прод. 1906 г., п. 6 ст. 176 учр. мин.»).

Вопросъ о закономѣрности или незакономѣрности циркуляра отъ 9 февраля 1912 г., такимъ образомъ, *формально* остался открытымъ. Но зато получился другой, довольно неожиданный

результатъ. Вынося свое опредѣленіе, Сенатъ не только разъяснилъ ст. 191 учр. мин. и вмѣстѣ съ тѣмъ права университетовъ, права всѣхъ вообще подчиненныхъ мѣстъ по оспариванію незакономѣрныхъ распоряженій высшаго начальства,—но онъ одновременно разъяснилъ и самого себя, допустивъ ограничительное толкованіе собственныхъ правъ, его, какъ высшаго органа надзора, «которому въ гражданскомъ порядкѣ суда, управленія и исполненія подчинены всѣ вообще мѣста и установленія въ имперіи» (ст. 1 т. 1 ч. 2, учр. Пр. Сен.), и который, «какъ хранитель законовъ, печется о средствахъ.., къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ» (ст. 2 учр. Сен.).

Въ самомъ дѣлѣ, Сенатъ исходилъ изъ противоположенія двухъ категоріи случаевъ: къ первой относятся тѣ случаи, когда данное предписаніе министра прямо отмѣняетъ дѣйствующій законъ (такіе случаи, если только они вообще встрѣчаются, конечно, могутъ быть только очень рѣдки), ко второй—тѣ, когда предписаніе основано на такомъ толкованіи закона, которое возбуждаетъ споръ и съ точки зрѣнія подчиненнаго мѣста является неправильнымъ. Только въ первомъ случаѣ, по мнѣнію Сената, подчиненныя мѣста могутъ представлять соотвѣтствующія разногласія на окончательное разрѣшеніе Сената, а Сенатъ имѣетъ право и обязанъ входить въ ихъ разсмотрѣніе.—Но позволительно спросить, на чемъ основано это разграниченіе? Развѣ предписаніе, основанное на неправильномъ толкованіи закона, на намѣренномъ или ненамѣренномъ извращеніи смысла его, въ меньшей степени нарушаетъ волю законодателя, выразившуюся въ законѣ, или ведетъ къ менѣе нежелательнымъ (съ точки зрѣнія закона) послѣдствіямъ, чѣмъ предписаніе, которое «положительно противорѣчитъ прямому постановленію закона, т. е. отмѣняетъ его»? Практическій результатъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же: законъ нарушенъ. Гдѣ-же сказано, что одна изъ этихъ формъ нарушенія закона *неравносильна* другой? Изъ существа дѣла это не вытекаетъ. Не вытекаетъ это и изъ смысла ст. 191 учр. мин., которая говоритъ вообще о предписаніяхъ, въ которыхъ *усматривается отмѣна закона*. Прежде всего, усмотрѣть отмѣну или соблюденіе закона нельзя иначе, какъ прибѣгнувъ къ толкованію соотвѣтствующихъ постановленій. Съ другой стороны, самое понятіе «отмѣны» закона статьею 191-ю ближе не опредѣляется и, въ частности, не указывается, что подъ это понятіе не подходятъ случаи неправильнаго истолкованія смысла его. Не вытекаетъ, наконецъ, этотъ выводъ и изъ ссылокъ на ст. 19 п. 6 учр. Сен. и ст. 176 п. 6 учр. мин.: изъ смысла этихъ статей вытекаетъ нѣчто совсѣмъ другое, а именно, что министры не имѣютъ права окончательнаго

толкованія и разъясненія законовъ, а должны, дабы извѣстное толкованіе стало *формально обязательнымъ*, обращаться въ Сенатъ съ ходатайствомъ о соотвѣтствующемъ разъясненіи закона. Цѣль такого разъясненія—устранить возникновеніе разногласій по подлежащимъ спорнымъ вопросамъ. Такимъ образомъ, эти статьи не только не исключаютъ, пока нѣтъ формально обязательнаго толкованія Сената, возможность обращенія подчиненныхъ мѣстъ въ Сенатъ, въ случаѣ возникновенія сомнѣній относительно закономѣрности тѣхъ или иныхъ предписаній высшаго начальства, но, напротивъ, *предполагаютъ* возможность подобныхъ обращеній и имѣютъ задачею *предупреждать* ихъ. Все это весьма элементарно...

IV.

Всякое настоящее повѣствованіе заканчивается послѣсловіемъ. Въ настоящемъ дѣлѣ роль такого послѣсловія могутъ сыграть три позднѣйшихъ циркуляра министра нар. просвѣщенія. Всѣ они касаются того же вопроса о правѣ приватъ-доцентовъ читать параллельные курсы. Замѣчательны они тѣмъ, что всѣ они противорѣчатъ другъ другу и первоначальному циркуляру 9 февраля 1912 г. Объ этомъ мы и скажемъ еще два слова.

Въ циркулярѣ 9 февраля министръ говорилъ, что законъ, поскольку вопросъ идетъ объ основныхъ или главныхъ предметахъ, указанныхъ въ ст. ст. 55-59 унив. устава, «не только не оставляетъ сомнѣній въ *недопустимости параллельныхъ курсовъ* приватъ-доцентовъ къ профессорскимъ, ~~не~~ *но* не допускаетъ объявленія приватъ-доцентами такихъ курсовъ, какіе являлись бы по существу своему *отдѣлами или главами* главнаго обязательнаго курса, читаемаго профессоромъ»; на долю приватъ-доцентовъ приходилось лишь «преподаваніе *дополнительныхъ* предметовъ, рекомендуемыхъ и необязательныхъ, а также веденіе практическихъ занятій».

Вскорѣ послѣ этого, еще до поступленія формальнаго представленія совѣта петербургскаго университета о несоотвѣтствіи циркуляра 9 февраля съ закономъ, министръ, предложеніемъ отъ 6 марта 1912 г., нашелъ возможнымъ разъяснить, что «упомянутымъ циркуляромъ *спеціальные курсы* приватъ-доцентовъ не затрогиваются, *если только таковые курсы* по перечисленнымъ въ приведенныхъ выше статьяхъ закона предметамъ [1]) *не являются конкуррентными* къ профессорскимъ общимъ курсамъ, а также и къ отдѣльнымъ частямъ курсовъ, *въ тѣхъ случаяхъ, когда совокупность*

[1]) т. е. по т. н. основнымъ или главнымъ предметамъ.

такихъ курсовъ, читаемыхъ приватъ-доцентами по данному предмету, *могла бы замѣнить* для студентовъ *слушаніе общаго курса*, читаемаго профессоромъ».

Уже этотъ циркуляръ содержитъ отступленіе отъ первоначальнаго положенія министра, согласно которому никакіе параллельные курсы, ни общіе, ни спеціальные, разъ только послѣдніе по существу своему являются отдѣлами или главами общаго курса, не допускаются. Въ противоположность этому, второй циркуляръ принципіально допускаетъ всякіе спеціальные курсы, дѣлая исключенія лишь для тѣхъ случаевъ, когда совокупность спеціальныхъ курсовъ, читаемыхъ нѣсколькими приватъ-доцентами, могла бы замѣнить для студентовъ слушаніе общаго курса, читаемаго профессоромъ [1]).

Еще дальше идетъ циркуляръ отъ 14 Апрѣля 1912 г. Въ этомъ циркулярѣ, подтверждающемъ, въ отвѣтъ на представленіе совѣта петербургскаго университета, первоначальный циркуляръ отъ 9 февраля съ оговоркой, сдѣланной въ циркулярѣ отъ 6 марта, министръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, поясняетъ, что «циркулярное предложеніе 9 февраля имѣло въ виду лишь объявленіе приватъ-доцентами безъ порученія факультета *общихъ обязательныхъ курсовъ*, параллельныхъ къ профессорскимъ, по предметамъ, указаннымъ въ ст. ст. 55-59 уст., не касаясь совершенно т. наз. *спеціальныхъ* и *необязательныхъ*, *хотя бы и общихъ курсовъ* тѣхъ же приватъ-доцентовъ». Какъ явствуетъ изъ приведенныхъ словъ, циркуляръ неожиданно устанавливаетъ *новое различіе* среди самихъ общихъ курсовъ, которые раздѣляются на обязательные и необязательные; только общіе обязательные курсы не могутъ читаться въ качествѣ параллельныхъ. Къ сожалѣнію, министръ не поясняетъ ближе, что слѣдуетъ понимать подъ общими необязательными курсами. Такое поясненіе было бы тѣмъ болѣе необходимо, что самое *понятіе общаго необязательнаго курса—внутренно противорѣчивое*. Общими курсами являются, очевидно, курсы по основнымъ предметамъ факультетскаго преподаванія, обнимающіе эти предметы, при положенномъ числѣ часовъ, въ полномъ положенномъ соотвѣтствующими программами объемѣ: такіе курсы не могутъ быть либо обязательные, либо необязательные, а являются по существу дѣла всегда безусловно обязательными; чтеніе ихъ во всякомъ случаѣ должно быть обезпечено факультетомъ.

Наконецъ, 19 августа 1912 г. появляется еще новое предло-

[1]) Это, кстати сказать, такіе случаи, которые на практикѣ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко.

женіе министра, касающееся даннаго вопроса,—по счету четвертое. Въ немъ министръ, утверждая обозрѣнія преподаванія по отдѣльнымъ факультетамъ петерб. университета на $19^{12}/_{13}$ учебный годъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ, что предположенные нѣкоторыми приватъ-доцентами юридическаго факультета по ряду общихъ предметовъ параллельные курсы (каковые тутъ же перечисляются) «*представляются излишними въ качествѣ обязательныхъ* при наличности общихъ курсовъ», читаемыхъ подлежащими профессорами, (которые опять таки поименно перечисляются). Этимъ устанавливается совершенно новое положеніе. Министръ уже не говоритъ, что чтеніе приватъ-доцентами общихъ обязательныхъ курсовъ формально недопустимо, а лишь заявляетъ, что по его мнѣнію опредѣленные, объявленные на данный учебный годъ общіе параллельные курсы данныхъ приватъ-доцентовъ, поименно перечисленныхъ въ его предложеніи, представляются излишними въ качествѣ обязательныхъ. Ясно, что этимъ первоначальная точка зрѣнія, согласно которой ст. 73 унив. уст. касается исключительно профессоровъ, окончательно оставлена. Она замѣнена новою, согласно которой приватъ-доценты сами по себѣ не лишены права читать параллельные курсы, какъ общіе, такъ и спеціальные, но отъ дискреціоннаго усмотрѣнія министра зависитъ признавать объявляемые ими общіе курсы обязательными или нѣтъ. Любопытно, что при этомъ не дѣлается ни малѣйшей попытки обоснованія этой новой точки зрѣнія.

Изъ сопоставленія всего сказаннаго явствуетъ, что министръ народнаго просвѣщенія, начавъ съ полнаго отрицанія самой допустимости объявляемыхъ приватъ-доцентами параллельныхъ курсовъ, какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ, поскольку послѣдніе являются отдѣлами или главами общаго курса, послѣдовательно перешелъ къ допустимости сначала спеціальныхъ курсовъ, хотя бы они и составляли по существу отдѣлы соотвѣтствующихъ общихъ курсовъ, а затѣмъ и общихъ курсовъ, оставляя за собою въ послѣднемъ случаѣ право допускать ихъ въ качествѣ обязательныхъ, или признавать ихъ излишними въ качествѣ таковыхъ.

Усматривать въ этомъ поворотъ въ смыслѣ признанія ошибочности первоначальной постановки вопроса о правѣ приватъ-доцентовъ читать параллельные курсы и стремленія исправить эту ошибку, къ сожалѣнію, не приходится. Противъ этого говоритъ прежде всего то обстоятельство, что послѣднее предложеніе министра отъ 19 августа 1912 г., — появившееся уже послѣ того, какъ представленіе университета о незаконномѣрности циркуляра 9 февраля поступило въ Сенатъ, но до того, что означенное представленіе было оставлено Сенатомъ безъ разсмотрѣнія,—ни словомъ не ка-

сается циркуляра 9 февраля, какъ будто никакой перемѣны въ исходной точки зрѣнія министерства не произошло. Противъ этого говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то обстоятельство, что, какъ ужъ было указано, никакой попытки обосновать новую точку зрѣнія министерства и показать, что она согласована съ духомъ и буквой унив. устава въ большей степени, чѣмъ первоначально выдвигавшееся положеніе, не сдѣлано. Между тѣмъ, нетрудно убѣдиться, что и она противорѣчитъ закону.

Министръ въ данномъ случаѣ, очевидно, исходитъ изъ предположенія, что законъ предоставляетъ ему въ порядкѣ дискреціоннаго усмотрѣнія рѣшать вопросъ о томъ, могутъ ли быть допущены параллельные общіе курсы, объявляемые приватъ-доцентами, въ качествѣ обязательныхъ или необязательныхъ. Практически эта новая постановка вопроса сводится къ тому, что министръ рѣшаетъ, могутъ ли такіе курсы быть *зачтены* студентамъ, записавшимся на нихъ, на общемъ основаніи съ соотвѣтствующими профессорскими курсами, или же студенты, записываясь на эти курсы и слушая ихъ, *для зачета семестра, должны сверхъ того записаться и внести гонорарную плату профессору*, читающему соотвѣтствующій общій курсъ.

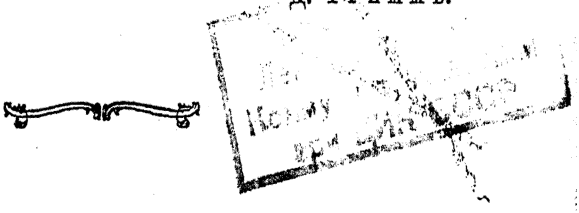
Законъ такихъ правъ какъ разъ въ данной области министру не предоставляетъ. Ст. 73 уст. прямо исключаетъ всякое дискреціонное усмотрѣніе. Изъ прямого ея смысла явствуетъ, что она признаетъ всѣ параллельные курсы, объявляемые тѣми или другими преподавателями, *равноцѣнными*, такъ какъ она предоставляетъ студентамъ право слушать того изъ конкуррирующихъ преподавателей, *кого они сами пожелаютъ*. Если бы соотвѣтствующіе курсы не признавалась равноцѣнными, то ст. 73 была бы лишена всякаго реальнаго содержанія. Если бы на этотъ счетъ могло существовать какое нибудь сомнѣніе, то оно окончательно устраняется приведенной нами выше справкой относительно первоначальной редакціи соотвѣтствующей статьи въ основномъ проектѣ устава, выработанномъ гр. Толстымъ. Мы видѣли, что первоначально въ статьѣ содержалась оговорка относительно курсовъ, объявляемыхъ приватъ-доцентами, не имѣющими ученой степени: для зачета ихъ студентамъ предполагалось требовать разрѣшеніе факультета. Соединенные департаменты отвергли эту оговорку и тѣмъ самымъ признали начало равноцѣнности всѣхъ параллельныхъ курсовъ безъ всякихъ ограниченій.

Итакъ, съ точки зрѣнія законности новое положеніе министра такъ же мало выдерживаетъ критику, какъ и первоначальное. Зато, если оцѣнивать его съ точки зрѣнія практическаго резуль-

111597

тата,—въ смыслѣ устраненія всякой опасности конкурренціи приватъ-доцентовъ въ отношеніи чтенія общихъ, обязательныхъ курсовъ,—то нельзя не признать что оно представляетъ собою не менѣе удачное разрѣшеніе поставленной проблемы, чѣмъ первоначальное. Этимъ все сказано.

Д. Гриммъ.



ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР